

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.47475/2409-4102-2024-26-2-12-18

КУЛЬТУРНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ В РОССИИ И ЯПОНИИ

Анастасия Анатольевна Данилова^{1✉}, Максим Георгиевич Смирнов²

^{1,2}Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ensti1988@mail.ru, 0000-0001-6701-1941

²smirnov771977@mail.ru

Аннотация. Целью данной работы является выявление культурно-аксиологических основ проэкологического поведения молодёжи России и Японии. Для проведения эмпирического исследования была использована выборка из студентов гуманитарных специальностей в количестве 370 человек [Челябинский государственный университет (Россия, N=223), университет Эхиме (Япония, N=147)]. В эмпирической части исследования не удалось доказать значимость различий в ценностях разных культурных выборок. Однако факторный анализ позволил выявить разницу в структуре аксиологических основ студентов России и Японии. Результаты на российской выборке продемонстрировали трехфакторную аксиологическую структуру, ориентированную на ценности социального взаимодействия, статусно-гедонистические ценности и ценности роста и развития. В то время как на японской выборке проявилось два фактора, объединивших ценности социального сотрудничества и материально-гедонистические факторы.

Ключевые слова: ценности, экология, проэкологическое поведение, Россия, Япония

Для цитирования: Данилова А. А., Смирнов М. Г. Культурно-аксиологические основы проэкологического поведения молодёжи в России и Японии // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2024. № 2 (26). С. 12–18. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-26-2-12-18

Original article

CULTURAL-AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF PRO-ECOLOGICAL BEHAVIOR OF YOUTH IN RUSSIA AND JAPAN

Anastasiya A. Danilova^{1✉}, Maxim G. Smirnov²

^{1,2}Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ensti1988@mail.ru, 0000-0001-6701-1941

²smirnov771977@mail.ru

Abstract. The purpose of this work is to identify the cultural and axiological foundations of the pro-ecological behavior of young people in Russia and Japan. To conduct an empirical study, a sample of 370 students of humanities was used [Chelyabinsk State University (Russia, N = 223), Ehime University (Japan, N = 147)]. In the empirical part of the study, it was not possible to prove the significance of differences in the values of different cultural samples. However, factor analysis made it possible to identify differences in the structure of the axiological foundations of Russian and Japanese students. The results from the Russian sample demonstrated a three-factor axiological structure focused on the values of social interaction, status-hedonic values, and values of growth and development. While in the Japanese sample, two factors emerged that combined the values of social cooperation and material-hedonic factors.

Keywords: values, ecology, pro-environmental behavior, Russia, Japan

For citation: Danilova AA, Smirnov MG. Cultural-axiological foundations of pro-ecological behavior of young people in Russia and Japan. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2024;(2(26):12-18. (In Russ.). DOI: 10.47475/2409-4102-2024-26-2-12-18

Введение. Экологические проблемы всё увереннее выходят на уровень глобальных вызовов современности, и ни одно государство не может оставаться безучастным в попытках их осмысления и решения. Поэтому столь важным вопросом становится поиск культурных предикторов проэкологического поведения, ориентированного на экологические нормы и их практическое воплощение в повседневной жизни. При этом всё чаще именно ценностные основы рассматриваются в качестве ключевых составляющих эгоцентристского подхода к развитию современного общества.

Теоретический этап исследования. Формирование проэкологического поведения остаётся важной научной проблемой. Начиная с 60-х годов прошлого столетия учёные разных специальностей пытаются выявить спектр возможных решений, начиная от простых линейных связей между экологическим знанием и проэкологическим поведением и заканчивая сложными структурными моделями.

Анализ литературы показал неоднозначность подходов отечественных и зарубежных авторов. Так, отечественные учёные в большей мере рассматривают проэкологическое поведение в рамках концепции экологического сознания (самосознания). А. И. Тобоев определяет экологическое сознание как форму общественного сознания, представляющую собой совокупность идей и теорий, отражающих способы гармоничных отношений между человеком и природой [3, с. 24]. Именно сознание, с одной стороны, выделяет человека из природы, с другой стороны, ложится в основу его практической деятельности, преобразующей окружающий мир [2, с. 346]. Важно отметить, что в качестве компонента экологического сознания рассматривается экологическое намерение, которое является интегрированным личностным образованием, структура которого представляет собой единство четырёх компонентов: *когнитивного* (экологические знания), *аффективно-оценочного* (экологическая самооценка, позитивное отношение к субъектам природы), *ценностно-целевого* (определяет приоритетные цели экологических намерений и экологические ценности) и *поведенческого* [5, с. 386]. Именно формирование экологического сознания является важным условием запуска экологического намерения.

Существующие исследования зарубежных авторов имеют большее количество направлений: теория «ценности — убеждения — нормы», поведенческие теории, связанные с контекстами, и модели принятия решений в области экологического поведения [13]. Так, П. С. Штерном и его коллегами была построена теория, основанная на причинно-следственной цепочке: ценности — убеждения — нормы. Данная причинно-следственная цепочка содержит пять переменных, которые способствуют формированию проэкологического поведения: ценности, новая экологическая парадигма, осознание неблагоприятных последствий, приписывание ответственности самому себе и личные проэкологические нормы. Каждая переменная влияет на следующую переменную или напрямую влияет на другие переменные в цепочке [13]. Современные исследователи углубляют данную парадигму через рассмотрение отдельных феноменов: отношение мультикультурной идентичности с проэкологическими установками [10], взаимодействие личных ценностей и теории экологического отношения [11], выявление наличия личной выгоды в альтруистическом экологическом поведении [7] и пр. Большую долю исследований занимают поведенческие теории, связанные с контекстом. Эта теория подтверждает роль внутренних факторов, представленных отношением, и внешних факторов, представленных контекстом, в проэкологическом поведении. Так, например, исследование на испанской выборке показало важность внутренних психологических данных (т.е. отношения, мотивации и знаний об изменении климата) и социально-демографических данных для понимания действий по дополнительному смягчению экологических последствий [12]. Немецкие ученые установили, что проэкологическое поведение отличается у людей с разной просоциальной предрасположенностью [9]. Проспективный лонгитюдный анализ американских учёных обнаружил связь между проэкологическим поведением матерей, уровнем их образования и проэкологическим поведением их молодых взрослых потомков. Более того, время, проведённое в детстве на свежем воздухе, было положительно связано с повышением экологически ответственного поведения в молодом возрасте [8].

Можно отметить, что, несмотря на разрозненность исследовательских позиций, все теории базируются на анализе схожих компонентов, и в первую очередь ценностной структуры. Именно ценности ложатся в основу экологических стратегий поведения, а на межкультурном уровне выступают показателями культурной идентичности. При этом ценности являются универсальными индикаторами, которые могут изучаться и измеряться как на уровне индивидуальных различий, так и на уровне культуры, проявляясь в социальных нормах, обычаях и традициях социальных групп [6].

Глобальные вызовы экологии ставят человечество перед необходимостью формирования новой системы ценностей через обоснование внутренней самооценки природных объектов и приоритетности видов и индивидов. Ценность сохранения природы должна быть встроена в общую иерархию человеческих ценностей, которые определяют специфику взаимоотношений человека и природы в процессе жизнедеятельности, а также указывают на степень ответственности социума за состояние окружающей среды и поддержание гармоничного равновесия биосферы в целом [4]. Для выработки единой аксиологической модели, ориентированной на природосбережение, необходимо понимать отличия в ценностных основах разных культур с большей или меньшей успешностью справляющихся с экологическими проблемами. С этой позиции российско-японская выборка видится достаточно интерес-

ной для научного поиска. Так, отмечается, что Россия, имея огромную, богатую природными ресурсами территорию, считается одной из грязнейших стран мира, а Япония, испытывающая дефицит в государственных территориях, — одна из чистейших стран на планете [1]. Таким образом, поиск культурно-аксиологических основ позволит понять аксиологические предикторы про-экологического поведения молодёжи двух стран.

Эмпирический этап исследования. Основу эмпирического этапа исследования составила методика «Ценностные ориентации» О. И. Моткова, Т. А. Огневой¹. Данная методика позволяет оценить степень значимости для респондента внешних и внутренних ценностных ориентаций, их индивидуальную и групповую структуру, а также атрибуции (приписывания) причин их осуществления.

На первом этапе было произведено сравнение степени выраженности ценностей среди российской и японской молодёжи с помощью непараметрического критерия U-Манна-Уитни (табл. 1).

Значимых отличий между выраженностью ценностей у российской и японской молодёжи выявить не удалось. При этом сравнение средних рангов показывает, что для российской молодёжи приоритетными выступают такие ценности, как саморазвитие личности, творчество и поиск

¹Мотков О. И., Огнева Т. А. Методика «Ценностные ориентации», вар. 2. М., 2008. <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1128.html> (дата обращения 08.05.2024).

Таблица 1
Table 1

Выраженность ценностей у российской и японской молодёжи
Expression of values among Russian and Japanese youth

Ценности	Средний ранг		U	p
	Россия	Япония		
Материальное благополучие	186,84	183,47	16092	,755
Саморазвитие личности	222,75	128,99	8084	,000
Известность, популярность	172,76	204,82	13550	,003
Уважение и помощь людям, отзывчивость	192,02	175,61	14936	,121
Физическая привлекательность, внешность	190,48	177,95	15280	,251
Тёплые, заботливые отношения с людьми	179,09	195,22	14961	,122
Высокое социальное положение, общественное влияние	181,74	191,20	15552	,387
Творчество, поиск нового	194,20	172,30	14450	,043
Роскошная жизнь, отдых, наслаждение	169,95	209,10	12922	,000
Любовь к природе и бережное отношение к ней	188,91	180,33	15630	,429
Здоровье	181,43	191,67	15483	,296
Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе	180,64	192,88	15306	,262

нового, уважение и помощь людям, отзывчивость. Для японской молодёжи более значимы роскошная жизнь, отдых, наслаждение; известность, популярность, а также тёплые, заботливые отношения с людьми.

Далее для выявления структуры культурно-аксиологических основ проэкологического поведения молодёжи разных стран был проведён факторный анализ отдельно в каждой выборке. Результаты для российской выборки представлены в табл. 2.

В культурно-аксиологической основе российской молодёжи были выделены три неявных фактора:

фактор социального взаимодействия (тёплые, заботливые отношения с людьми; уважение и помощь людям, отзывчивость и др.), *статусно-гедонистический фактор* (известность, популярность; высокое социальное положение, общественное влияние; роскошная жизнь, отдых и др.) и *фактор роста и развития* (материальное благополучие, саморазвитие личности, творчество и др.).

В табл. 3 отображена факторная структура ценностей японской молодёжи.

На японской выборке было выделено два чётких фактора: *фактор социального сотрудничества* (тёплые, заботливые отношения с людьми;

Таблица 2
Table 2

Факторная структура ценностей российской молодёжи
Factor structure of values of Russian youth

Ценности	Факторы		
	1	2	3
Тёплые, заботливые отношения с людьми	,763		
Уважение и помощь людям, отзывчивость	,763		
Любовь к природе и бережное отношение к ней	,717		
Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе	,713		
Здоровье	,528		,498
Известность, популярность		,884	
Высокое социальное положение, общественное влияние		,778	
Роскошная жизнь, отдых, наслаждение		,663	,434
Физическая привлекательность, внешность		,607	
Материальное благополучие			,869
Саморазвитие личности	,442		,733
Творчество, поиск нового			,490
Доля объяснимой дисперсии, %	38,59	14,77	9,22

Таблица 3
Table 3

Факторная структура ценностей японской молодёжи
Factor structure of values of Japanese youth

Ценности	Факторы	
	1	2
Тёплые, заботливые отношения с людьми	,783	
Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе	,736	
Здоровье	,711	
Уважение и помощь людям, отзывчивость	,668	,466
Любовь к природе и бережное отношение к ней	,663	
Творчество, поиск нового	,631	
Саморазвитие личности	,521	
Физическая привлекательность, внешность		,840
Известность, популярность		,790
Высокое социальное положение, общественное влияние		,738
Материальное благополучие		,491
Роскошная жизнь, отдых, наслаждение		,490
Доля объяснимой дисперсии, %	42,27	11,46

социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе; здоровье; уважение и помощь людям, отзывчивость и др.), а также *материально-гедонистический фактор* (физическая привлекательность, внешность; известность, популярность; высокое социальное положение).

Сравнивая две аксиологические структуры можно отметить, что российская и японская молодёжь одинаково ориентированы как на внутренние нематериальные (неэгоистические) ценности, так и на материальные и гедонистические ценности, направленные на внешнюю сторону жизни (ценности эгоизма и потребления). При этом в обоих выборках доминируют нематериальные ценности, связанные, в первую очередь, с социальными отношениями. Однако на японской выборке гораздо более выражена ориентация на социальное сотрудничество, поддержанное созиданием и альтруизмом. Можно говорить о ценностях японского группизма как показателя возвышения коллективного блага над индивидуальным. Ценности общественного спокойствия и благополучия выступают гарантиями устойчивости японского общества. В то же время статусно-гедонистические ценности, выявленные у российской молодёжи, говорят о том, что в России именно деньги и статус рассматриваются как экологический ресурс. Вероятно, в российском контексте именно высокое социальное положение

и власть ассоциируются с возможностью сделать что-то значимое для окружающей среды.

Заключение. Подводя итог стоит отметить, что культурно-аксиологическая составляющая играет важную роль в становлении проэкологического поведения. Анализ культурных отличий в аксиологической структуре позволяет увидеть особенности, связанные с культурной идентичностью, позволяющие более успешно решать экологические проблемы. Япония бесспорно остаётся страной для подражания в решении экологических проблем. Аксиологическая основа проэкологического поведения японской молодёжи проявляется в первую очередь в коллективном осознании важности ценностей социального сотрудничества в борьбе с экологическими проблемами, что проявляется в индивидуальном следовании экологической мотивации. В то же время в России, где отмечается значительное число нерешённых экологических проблем, молодёжь может оценивать проэкологическое поведение как привилегию «высшего общества», тем самым снимая долю субъективной ответственности. Полученные результаты показали необходимость прививать молодым российским гражданам осознание того, что экологическое поведение — это индивидуальная ответственность личности, не связанная с материальным и статусным положением.

Список источников

1. Ахмаметева А. Д., Каменев Н. О., Герасимова Л. А. Экологизация общественного сознания на примере России и Японии // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2013. № 9. С. 261–262.
2. Мдивани М. О., Хисамбеев Ш. Р. Экологическое самосознание как основа проэкологического поведения // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 21, № 4. С. 346–348.
3. Тобоев А. И. Понятие экологического сознания // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2015. Т. 7, № 3. С. 23–26.
4. Хмеленок Е. А. К проблеме определения понятия «экологическая ценность» // *Философские науки*. 2010. № 2. С. 63–68.
5. Чердымова Е. И. Экологическое намерение как компонент экологического сознания личности // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2011. № 2-2. С. 385–387.
6. Шмелёва И. А. Ценности как проблема психологии экологического сознания // *Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина*. 2009. № 1. С. 155–167.
7. De Dominicis S., Schultz P. W., Bonaiuto M. Protecting the Environment for Self-interested Reasons: Altruism Is Not the Only Pathway to Sustainability // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01065>
8. Evans G. W., Otto S., Kaiser F. G. Childhood Origins of Young Adult Environmental Behavior // *Psychol Sci*. 2018. Vol. 5, no. 29. P. 679–687. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797617741894>.
9. Kaiser F. G., Byrka K. Environmentalism as a trait: gauging people's prosocial personality in terms of environmental engagement // *International Journal of Psychology*. 2011. Vol. 1, no. 46. P. 71–79. DOI: <https://doi.org/10.1080/00207594.2010.516830>

10. Mosanya M., Kwiatkowska A. New Ecological Paradigm and third culture kids: Multicultural identity configurations, global mindset and values as predictors of environmental worldviews // *International Journal of Psychology*. 2023. Vol. 58, no. 2. P. 103–115. DOI: <https://doi.org/10.1002/ijop.12887>
11. Nkaizirwa J. P., Nsanganwimana F., Aurah C. M. On the predictors of pro-environmental behaviors: integrating personal values and the 2-MEV among secondary school students in Tanzania // *Heliyon*. 2022. Vol. 8, no. 3. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e09064>
12. Ortega-Egea J. M., García-de-Frutos N., Antolín-López R. Why do some people do «more» to mitigate climate change than others? Exploring heterogeneity in psycho-social associations // *PLoS One*. 2014. vol. 9, no. 9. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0106645>
13. Tian H., Liu X. Pro-Environmental Behavior Research: Theoretical Progress and Future Directions // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 11, no. 19. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph19116721>

References

1. Akhmameteva AD, Kamenev NO, Gerasimova LA. Greening of public consciousness on the example of Russia and Japan. *Aktual'nyye problemy aviatsii i kosmonavtiki = Actual problems of aviation and cosmonautics*. 2013;(9):261-262. (In Russ.).
2. Mdivani MO, Khisambeev Sh R. Environmental self-awareness as the basis for pro-environmental behavior. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*. 2017;21(4):346-348. (In Russ.).
3. Toboev AI. The concept of environmental consciousness. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya = Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*. 2015;7(3):23-26. (In Russ.).
4. Khmelenok EA. On the problem of defining the concept of «environmental value». *Filosofskiye nauki = Philosophical sciences*. 2010;(2):63-68. (In Russ.).
5. Cherdymova EI. Environmental intention as a component of environmental consciousness of the individual. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN = Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2011;(2-2):385-387. (In Russ.).
6. Shmeleva IA. Values as a problem of psychology of environmental consciousness. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina = Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin*. 2009;(1):155-167. (In Russ.).
7. De Dominicis S, Schultz PW, Bonaiuto M. Protecting the Environment for Self-interested Reasons: Altruism Is Not the Only Pathway to Sustainability. *Frontiers in Psychology*. 2017;8. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01065>
8. Evans GW, Otto S, Kaiser FG. Childhood Origins of Young Adult Environmental Behavior. *Psychol Sci*. 2018;5(29):679-687. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797617741894>
9. Kaiser FG, Byrka K. Environmentalism as a trait: gauging people's prosocial personality in terms of environmental engagement. *International Journal of Psychology*. 2011;1(46):71-79. DOI: <https://doi.org/10.1080/0207594.2010.516830>.
10. Mosanya M, Kwiatkowska A. New Ecological Paradigm and third culture kids: Multicultural identity configurations, global mindset and values as predictors of environmental worldviews. *International Journal of Psychology*. 2023;58(2):103-115. DOI: <https://doi.org/10.1002/ijop.12887>
11. Nkaizirwa JP, Nsanganwimana F, Aurah CM. On the predictors of pro-environmental behaviors: integrating personal values and the 2-MEV among secondary school students in Tanzania. *Heliyon*. 2022;8(3). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e09064>
12. Ortega-Egea JM, García-de-Frutos N, Antolín-López R. Why do some people do «more» to mitigate climate change than others? Exploring heterogeneity in psycho-social associations. *PLoS One*. 2014;9(9). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0106645>
13. Tian H, Liu X. Pro-Environmental Behavior Research: Theoretical Progress and Future Directions. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022;11(19). DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph19116721>

Информация об авторах

А. А. Данилова — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры психологии.

М. Г. Смирнов — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии.

Information about the authors

Anastasiya A. Danilova — Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Department of Psychology.

Maxim G. Smirnov — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Regional Studies, Political Science and Eastern Philosophy.

*Статья поступила в редакцию 15.05.2024;
принята к публикации 11.10.2024.*

*The article was submitted 15.05.2024;
accepted for publication 11.10.2024.*

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.